

Оригинальная статья / Original article

УДК 94 (47+57)

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-1-159-172>

«На зыбкой границе между православием и религиозной архаикой»: массовые паломничества к водным источникам в СССР середины XX века

А.В. Апанасенок¹✉

¹Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук
Нахимовский проспект, д. 51/21, г. Москва 117418, Российская Федерация

✉e-mail: apanasенок@yandex.ru

Резюме

Актуальность работы определяется важностью научного осмысления роли и места внехрамовых религиозных практик в конфессиональной истории советского общества.

Цель исследования: анализ особенностей феномена паломничеств верующих к водным источникам в позднесталинский период.

Задачи: выяснение масштабов паломничества советских граждан к источникам, почитавшимся в качестве святых в середине XX века; изучение мотивации участников соответствующих практик; характеристика отношения местных властей к подобным проявлениям религиозности.

Методология. В ходе работы с архивными документами автором использовались историческая индукция, историческое описание, историческое сравнение, а также историко-ретроспективный метод.

Результаты. В статье дан обзор зафиксированных Советом по делам Русской православной церкви в конце 1940-х – начале 1950-х годов случаев почитания «святых» родников, колодцев и озер. Рассмотрены наиболее характерные черты их организации, особенности социального, гендерного и возрастного состава участников. Указано на пограничный характер соответствующих религиозных практик, номинально являвшихся православными, но фактически имевших и языческую составляющую.

Выводы. Массовые собрания верующих возле водных источников с ритуальными целями не были редкостью в позднесталинский период. К такого рода практикам столкнувшихся с нехваткой храмов и священнослужителей граждан подталкивали как религиозные, так и социально-бытовые мотивы, включая заботу о здоровье. В праздничные дни количество людей у отдельных «святых» водоемов в разных районах страны измерялось сотнями либо тысячами, при этом реальное противодействие паломничествам со стороны местных властей было редким и неуверенным.

Ключевые слова: конфессиональная история; народное православие; позднесталинский период; паломничества; святые источники; трансграничные исследования.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Апанасенок А.В. «На зыбкой границе между православием и религиозной архаикой»: массовые паломничества к водным источникам в СССР середины XX века // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2025. Т. 15, № 1. С. 159–172. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-1-159-172>.

Поступила в редакцию 13.12.2024

Принята к публикации 15.01.2025

Опубликована 26.02.2025

© Апанасенок А.В., 2025

Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право / Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law. 2025;15(1):159-172

"On the shaky border between Orthodoxy and religious archaism": mass pilgrimages to water sources in the USSR in the middle of the XX century

Alexander V. Apanasenok¹ ✉

¹Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences
51/52 Nakhimovsky Ave., Moscow 117418, Russian Federation

✉ e-mail: apanasenok@yandex.ru

Abstract

The relevance of the work is determined by the importance of scientific understanding of the role and place of non-temple religious practices in the confessional history of the Soviet society.

The purpose of the research is to analyze the features of the phenomenon of pilgrimages of believers to water sources in the late Stalinist period.

Objectives: to find out the scale of pilgrimage of Soviet citizens to sources revered as "holy" in the middle of the XX century, to study the motivation of participants of relevant practices, to characterize the attitude of local authorities to such manifestations of religiosity.

Methods. In the course of working with archival documents the author used historical induction, historical description, historical comparison as well as the historical retrospective method.

Results. The paper provides an overview of the cases of veneration of "holy" springs, wells and lakes recorded by the Council for the Affairs of the Russian Orthodox Church in the late 1940s - early 1950s. The most characteristic features of their organization, the peculiarities of the social, gender and age composition of the participants are considered. It is pointed out the borderline nature of the relevant religious practices which were nominally Orthodox, but actually had a pagan component.

Conclusions. Mass gatherings of believers near water sources for ritual purposes were not uncommon in the late Stalinist period. Citizens faced with a shortage of churches and clergy were pushed to such practices by both religious and social motives, including health care. On holidays the number of people at individual "holy" reservoirs in different parts of the country was measured in hundreds or thousands, while real opposition to pilgrimages from local authorities was rare and uncertain.

Keywords: confessional history; folk Orthodoxy; late Stalinist period; pilgrimages; holy sources; cross-border studies.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Apanasenok A.V. "On the shaky border between Orthodoxy and religious archaism": mass pilgrimages to water sources in the USSR in the middle of the XX century. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2025;15(1):159–172. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-1-159-172>.

Received 13.12.2024

Accepted 15.01.2025

Published 26.02.2025

***

Введение

В феврале 1949 г. ведущая советская газета «Правда» опубликовала статью с интригующим названием «Саратовская купель». В ней повествовалось о явлении, удивительном для страны, где постоянно декларировалась скорая победа над религиозными «пережитками» – массовом ку-

пании жителей г. Саратова в Волге на праздник Крещения Господня. Автор публикации (журналист Н. Рябов) рассказал о том, что накануне православного праздника в городских пределах на скованном реку льду местными верующими был водружен высокий трехметровый крест (тоже ледяной), а рядом с ним вы-

рублена большая прорубь для погружений. На Крещение сюда был организован многолюдный крестный ход. По прибытии на место сотни саратовцев окунулись в холодные волжские воды на глазах тысяч наблюдателей, собравшихся из разных районов посмотреть на это действо¹.

Статья была написана в жанре фельетона: здесь саркастически изображались выразительные картины и образы «темного царства старой России», обличался «слепой фанатизм» родителей, окунавших в воду своих детей, а также невежество пожилых людей, подвергавших свой организм опасному переохлаждению в поисках «благодати». При этом сквозь строки сквозило и недоумение: почему в большом советском городе спустя более чем тридцать лет после начала социалистических преобразований имеют место столь «дикие» обряды? Несмотря на формально православный характер и участие в описываемых событиях священнослужителей, купание описывается как феномен пограничный, с выраженными языческими признаками (вера в «живительную силу» воды, хождение голышом на глазах тысяч заинтересованных зрителей и т. п.). По словам наблюдавшего за «саратовской купелью» журналиста, участники празднования воскресили «обряды времен язычества и бога Ярилы». Пикантности ситуации добавляло то, что крестный ход и массовое купание совершались при наличии разрешения со стороны члена КПСС – главы местного райисполкома, а к сооружению ледяной купели руку приложил еще один коммунист – глава саратовского отделения Общества спасания на водах.

Вероятно, публикация в «Правде» столь провокационного материала была вызвана происходившей в конце 1940-х гг. корректировкой внутриволи-

тического курса, сопровождавшейся «закручиванием гаек». Разгоревшийся скандал имел довольно предсказуемые последствия: помимо того, что причастные функционеры были обвинены в хождении на поводе «у юродствующих кликуш и мракобесов», саратовский епископ покинул свою кафедру, а канцелярия Патриарха была вынуждена разослать в епархии письма, предостерегающие клириков от участия в ритуальных практиках на открытом пространстве [1, л. 35]. Однако знакомство с данной историей вызывает другой вопрос: насколько уникальной она была? Разумеется, церковные или окологерманские действия (то, что обычно называется исследователями «народным православием») на берегах водоемов – в принципе весьма распространенное явление в отечественной культуре, но как часто их можно было наблюдать в позднесоветском СССР?

Существующая литература дает лишь приблизительный ответ на этот вопрос. Изучение практик, связанных со «святыми источниками», до сих пор преимущественно остается сферой приложения сил со стороны этнографов, культурологов, религиоведов, которые в силу специфики своих научных дисциплин мало учитывают динамику соответствующих явлений и их исторический контекст. Большинство конкретно-исторических работ по данной теме посвящены хрущевскому периоду, преимущественно знаменитой антирелигиозной кампании 1958–1964 гг., когда власть начала активно бороться с проявлениями «народной религиозности», и в том числе приложила значительные усилия для прекращения религиозных собраний у водоемов. Об этом писали, например, Д.Ю. Макарова [2], Ю.А. Мурашова [3], Ж.М. Красулина и О.Ю. Никонова [4]. Порой историки обращались к прошлому массового паломничества к источникам на территории закрытой Курской Коренной пустыни:

¹ Рябов Н. Саратовская купель // Правда. 1949. 19 февраля.

здесь можно вспомнить публикации П.Г. Чистякова [5], У. Хун [6] и той же Ю.А. Мурашовой [7]. Их статьи посвящены двум-трем послевоенным десятилетиям в истории места проведения некогда самого большого крестного хода в России. Представленные факты свидетельствуют, что несмотря на атеистическую ориентацию государства традиционные практики молитв у «святых» водоемов продолжали существовать в СССР, хотя обычно деформировались. Получить же детализированную картину их бытования в позднесталинский период в рамках страны в целом науке еще только предстоит.

В данной статье автор анализирует некоторые сведения о посещении гражданами «святых источников» на рубеже 1940–50-х гг. При этом планируется выяснить масштабы соответствующих практик, рассмотреть возможную мотивацию их участников, а также охарактеризовать особенности отношения местных властей к такого рода проявлениям религиозности.

Методология

Чтобы ответить на сформулированные выше вопросы, автор опирается на документы Совета по делам Русской православной церкви (СД РПЦ) при Совете Министров СССР начала 1950-х гг., хранящиеся в Государственном архиве Российской Федерации, а также (в небольшом объеме) на описания состояния профессиональной жизни в СССР, составленные сотрудниками того же совета и представленные в Российском государственном архиве новейшей истории и Государственном архиве Курской области. Созданный в 1943 г. СД РПЦ выполнял функции государственного контроля в церковной сфере и координации государственно-церковных отношений, должен был следить за законностью действий священнослужителей и их прихо-

жан, а потому с первых лет своего существования активно собирал информацию, касающуюся религиозных вопросов. Впрочем, в 1940-е гг. в поле его зрения преимущественно попадали события и процессы, связанные с функционированием официальных церковных институций. Явления, которые обычно классифицируются как «народное православие» (а внехрамовые обряды часто относятся к числу таковых) в первое время оказывались на периферии внимания совета. Интерес к ним начал расти как раз в то время, когда разгорелся связанный с «Саратовской купелью» скандал. К 1950 г. занимавший в то время должность председателя СД РПЦ Г.Г. Карпов обобщил некоторые сведения о почитании гражданами СССР водных источников в разных частях страны (собранные, в свою очередь, местными уполномоченными органами) и представил их для ознакомления руководству страны. Эта справка оказалась в центре исследовательского внимания при подготовке статьи. Почерпнутые из нее данные были дополнены отдельными фактами из чуть более поздних источников 1950-х гг.

Работа с охарактеризованными документами потребовала использования традиционных в таких случаях методов исторической индукции, исторического описания, исторического сравнения. Анализ источников середины и конца 1950-х гг. ради получения данных о чуть более ранних явлениях обусловило обращение к историко-ретроспективному методу.

Результаты и их обсуждение

В октябре 1950 г. председатель Совета по делам Русской православной церкви Г.Г. Карпов направил двум членам Политбюро – К.Е. Ворошилову и М.А. Сулову – служебную записку с грифом «секретно», посвященную бытованию в Советском Союзе «суеверий». В

частности, здесь говорилось о почитании «святых» родников, колодцев и других водных источников в разных регионах страны, а также связанных с этим почитанием массовых сборах граждан. На шести листах документа давался общий обзор соответствующих явлений. К записке прилагался еще один документ – перечень конкретных мест, где происходили массовые паломничества.

Перечень был неполным: сюда вошли объекты, охарактеризованные в донесениях местных уполномоченных СД РПЦ 1949–1950 гг. Всего было названо 45 водоемов, расположенных в 17 областях, краях и автономных республиках СССР. В наибольшей степени в документе оказалась представлена Горьковская область: здесь было «учтено» 9 почитаемых водных источников. Основательно поработали уполномоченные СД РПЦ по Тамбовской и Пензенской областям: из этих регионов в перечень вошли соответственно 8 и 6 объектов. Кроме того, в документе можно прочитать про источники в Челябинской области (3), Чкаловской, Воронежской, Орловской областях, Мордовской и Татарской АССР (по 2), Ворошиловградской, Куйбышевской, Московской, Рязанской, Сталинградской, Тульской областях, Башкирской АССР и Краснодарском крае (по 1) [8, л. 96–99].

Разумеется, количество характеризующих «святых мест» сильно выросло бы, если бы СД РПЦ нашел возможность представить сведения по всем советским регионам, где было традиционно распространено православие. Например, нет в записке Карпова упоминания о крупнейшем в СССР «народном» крестном ходе к родникам на территории закрытой Курской Коренной пустыни, в котором в конце 1940-х – начале 1950-х гг. на девятую пятницу после Пасхи ежегодно участвовало 12–15 тыс. граждан [7, с. 47]. Нет здесь и данных о знаменитых «святых источниках» Молотовской (с 1957 г.

Пермской) области. Девять лет спустя, в 1959 г., местный уполномоченный совета сообщал, что в течение пятидесятих годов верующие массово посещали здесь с ритуальными целями по меньшей мере 11 водоемов [9, л. 33]. Очевидно, что наличие более-менее полной статистики заставило бы председателя СД РПЦ сообщать в Политбюро о сотнях «святых источников» – объектах массового притяжения. В этом случае он фактически предвосхитил бы тезис немецкой исследовательницы У. Хун, написавшей, что внешне атеистический Советский Союз середины XX в. был «страной чудес» [6, с. 232].

Впрочем, и те данные, которые есть в справке 1950 г., дают возможность получить представление о том, как выглядело «народное» паломничество к водным источникам в рассматриваемый период. Согласно приводимым сведениям, у «святых» источников регулярно можно было встретить десятки верующих, по воскресеньям число прибывающих сюда людей серьезно увеличивалось. Массовое паломничество к таким местам (преимущественно женское) происходило в праздничные дни. У почитаемых водоемов проводились импровизированные богослужения (исполнялись молитвы, читались акафисты), организаторами которых выступали незарегистрированные священнослужители, бывшие монахи или просто верующие крестьяне из числа наиболее «сведущих». Масштаб посещаемости впечатлял. В справке можно прочитать, что в праздничные дни в таких местах часто собиралось до 1,5–2 тыс. человек, а в отдельных случаях – до 10 тыс. человек [8, л. 97].

Действующие клирики, представлявшие Русскую православную церковь, в таких паломничествах участвовали очень редко (например, в записке Г. Карпова описан только один такой случай). Еще в августе 1948 г. по реко-

мендации СД РПЦ Св. Синод при Патриархе принял решение, запрещающее зарегистрированному духовенству совершение всяких служб вне церковной ограды, кроме исполнения индивидуальных треб на дому верующих по их приглашению. 17 марта 1949 г. (после охарактеризованного во вводной части статьи скандала с «саратовской купелью») Патриарх специальным посланием повторно обратил на это внимание. Советом были даны указания своим уполномоченным, что в случае нарушения этого постановления действующими священниками их следует снимать с регистрации [8, л. 95].

Вынужденное отсутствие легитимных носителей христианской культуры, а также наличие в народной конфессиональной культуре устойчивого пласта дохристианских верований часто придавали ритуальным практикам на берегах «священных водоемов» пограничный, полуправославный – полужыческий характер. Почитание сил природы, народная мифология в этих случаях тесно переплетались с православными представлениями. Примером тут может послужить массовое паломничество к «Светлому озеру» близ села Владимирского Воскресенского района Горьковской области. Согласно местному преданию, это озеро появилось в XIII в. на месте легендарного города Китежа, не пожелавшего покориться татаро-монголам и ушедшего в землю. Водоем почитался населением как священный на протяжении нескольких столетий. До 1917 г. около него стояла деревянная церковь, в которой совершались службы, но в советский период храм был разрушен. После этого верующие начали собираться для импровизированного богослужения на берегу. На рубеже 1940–50-х гг. службы совершались по воскресным дням и в престольный праздник (6 июля) девяностолетней старицей. В обычные воскресные дни на них приходило по 100–200 человек, а на праздник в 1949 г.

«Светлое озеро» посетило около 10 тыс. человек. Характерно, что в селе Владимирском имелось два церковных здания, но ходатайств об открытии прихода не поступало – видимо, собрания у воды очень импонировали верующим [8, л. 91].

Эволюционировать в сторону «народного православия» с некоторой «языческой» составляющей стали и практики участников крестного хода к источникам закрытого советской властью монастыря Коренная пустынь в Курской области (сведения от таковых не попали в справку 1950 г., однако представлены в других документах СД РПЦ). Шествия верующих (преимущественно крестьян) в девятую пятницу после Пасхи по маршруту самого массового крестного хода Российской империи возобновились в 1944 г. даже несмотря на отсутствие у паломников главного предмета почитания – увезенной в США Курской Коренной иконы «Знамение». С 1949 г. эти шествия проходили без священников в связи с запретом последним на внехрамовую деятельность, а также без архиерейского благословения, однако масштабы хода все равно росли. В 1944 г. в нем приняли участие 2 тыс. верующих, в 1949 – 12 тыс., в 1953 г. – 14,5 тыс. [10, л. 33] Вне пастырского контроля верующие все чаще оказывались, по выражению наблюдателя, «на зыбкой границе между православием и религиозной архаикой»: здесь все чаще звучали импровизированные трактовки христианского вероучения, все больше значения придавалось целебной силе воды, нормой стало купание в родниковой воде (в местах ее впадения в местную реку Тускарь) голышом и т. п. При этом несанкционированный крестный ход вызывал большой энтузиазм не только у его непосредственных участников, но и крестьян, живших вдоль проходимой паломниками дороги из Курска в Коренную пустынь (35 км). Не имевшие возможность присоединиться старались

продемонстрировать свое хорошее отношение к действию, предлагая паломникам ночлег и еду [11, л. 106].

Яркий пример полуязыческого подхода к общению с потусторонними силами дает история с появлением «священного» колодца в Лискинском районе Воронежской области. Здесь в 1949–1950 гг. распространился слух о некой старой женщине, перед смертью заявившей, что нужно открыть колодец, закрытый несколько десятков лет тому назад, и что этот колодец даст «спасение людям». В связи с этим слухом бригада колхозниц (25–30 человек) в начале мая 1950 г. по собственной инициативе вырыла на территории местного колхоза «Красный боевик» колодец, чтобы использовать его как «святой» источник. О новом колодце быстро разошлись слухи (названные в записке Г. Карпова «усиленной религиозной пропагандой»), благодаря чему уже к началу июля того же года его посетило около 30 тысяч человек разного возраста. Приходившие к колодцу ложились на живот и на протяжении длительного времени (в течение часа и более) всматривались в глубину колодца. Некоторые верующие утверждали, что «видели» на дне колодца различные религиозные образы [8, л. 94]. Похожая история (массовое почитание верующими отдельного «священного» колодца) имело место в Орловской области. Например, у так называемого «Громового колодца» в с. Варанчик в 1950 г. состоялось три больших молитвенных собрания, в которых приняло участие 8 тыс. человек [8, л. 90].

Что влекло людей к источникам, почитавшимся в качестве святых? Прежде всего, конечно, их религиозные потребности, которые далеко не всегда могли быть удовлетворены из-за сильного дефицита действующих храмов в стране. Широкое распространение религиозно-бытовых практик, компенсирующих нерегулярное посещение церкви или да-

же отсутствие общения со священнослужителем, стало отличительной чертой советской эпохи [12, с. 222]. Если посмотреть на географию мест, названных в записке Г. Карпова 1950 г., то можно отметить, что почти все они относятся к районам, не подвергавшимся оккупации во время Великой Отечественной войны. Количество действующих приходов на этих территориях было гораздо меньше, чем в западных частях СССР (где открывшиеся во время боевых действий церкви в большинстве своем продолжали функционировать). Соответственно, берег озера или окультуренная площадка перед родником оказывались для верующих чем-то вроде храма под открытым небом. Уже упоминавшаяся немецкая исследовательница Ульрика Хун, занимавшаяся данной проблемой, утверждала, что народные паломничества к «священным» природным объектам представляли собой «своего рода побег из однообразной будничной жизни и удовлетворяли потребность в утверждении собственного достоинства» [6, с. 244]. Соглашаясь с ней, можно вспомнить, что те редкие места для проведения свободного времени, которые имелись в советских колхозах (а именно сельские жители составляли большинство паломников) – избычитальни, сельские клубы – в послевоенное время нередко были заброшены. К тому же для религиозно-ориентированных людей немногочисленные возможности организации досуга, предлагаемые советской властью, были малопривлекательны или даже неприемлемы.

В отдельных случаях посещение «святых источников» могло диктоваться не только религиозными, но и национальными чувствами. В качестве примера здесь может выступить история посещения верующими комплекса родников «Святые руки» близ Новороссийска, также упомянутая Г. Карповым в записке 1950 г. Эти источники находились в

Крымском районе Краснодарского края на территории Новороссийского лесхоза. В XIX – начале XX в. они были местом, патронированным местной греческой православной общиной. Здесь была построена каменная часовня, посещаемая преимущественно российскими греками. В советское время власти приложили значительные усилия для размывания этнического самосознания диаспор, однако оно все-таки давало себя знать. Посещение «Святых рук» стало одним из немногих доступных общественных действий, связанных с подчеркиванием национально-религиозной идентичности: в середине XX в. сюда продолжали идти тысячи людей, среди которых преобладали греки. Только в день Успения Пресвятой Богородицы (28 августа) в 1950 г. источники посетило около 1700 человек [8, л. 93].

Впрочем, ритуальное посещение почитаемых водоемов диктовалось не только духовными потребностями высшего порядка, но и вполне прагматическими мотивами. Прежде всего заботой о собственном здоровье и здоровье близких. Упоминания о вере граждан (опять же с некоторым языческим оттенком во многих случаях) в исцеляющую силу воды можно встретить практически в любом более-менее пространном описании массовых паломничеств. Так, характеризуя походы граждан к родникам на территории закрытой Коренной пустыни, представитель СД РПЦ писал: «...туда шли и нервно-больные, и с бородавками, и с сифилисом. Люди шли и молились, и пели песни. От них можно было слышать такое выражение: “идешь, а из тебя болезнь уходит” ...Очень большой процент нервно-больных идут со всех сторон с тем, чтобы исцелиться» [13, л. 69]. Убежденность верующих в итоговом положительном эффекте можно было наблюдать повсеместно. Например, много рассказов об исцелении записал уполномоченный

СД РПЦ по Башкирской АССР, наблюдавший за посещением источника в Аскинском районе в начале 1950-х гг. Вот характерные цитаты: «у меня ребенок прошлый год не говорил, я сходила с ним на этот источник, помыла его и он сейчас со мной, видите, как прекрасно стал говорить», «я плохо видела, а сейчас вижу хорошо», «была глухая, а сейчас слышу» [14, л. 25].

Отправляясь к «благодатным» местам, люди прежде всего уповали на чудо, хотя в некоторых случаях вода в знаменитых водоемах имела и научно-обоснованный целебный эффект. Так, в справке 1950 г. можно найти описание паломничества в селе Наруксово Наруксовского района Горьковской области. До 1928 г. здесь существовал женский монастырь, куда приходили десятки тысяч богомольцев. После закрытия обители объектом притяжения верующих стал источник, в котором купались, пили воду, смачивали больные части тела. Представители районной власти, пытаясь прекратить массовое паломничество верующих к источнику, решили засыпать его бутовым камнем, но в течение ночи верующие очистили источник от камней и продолжили им пользоваться. Проведенный специалистами анализ показал, что вода содержит в себе некоторый процент полезного сероводорода [8, л. 91].

Еще один водоем – источник «Громовый», привлекавший внимание дипломированных врачей, располагался в с. Глинково Московской области неподалеку от г. Загорска (ныне – Сергиев Посад). Будучи известен еще с XIV в., он стал весьма популярен у окрестных жителей, которые черпали отсюда воду как для питья, так и для лечебных целей. В 1890-е гг. на источнике известным врачом (немцем по происхождению) был устроен курорт с ваннами, на который приезжала даже петербургская аристократия. После революции курорт закрыл-

ся, однако паломничество к источнику не прекратилось, а с 1948 г. даже усилилось. В 1949 г. районные партийные и советские организации приняли меры к тому, чтобы воду источника направить в русло реки через трубу, но ключ забил в другом месте. По наблюдению руководителей районных партийных и советских организаций на рубеже сороковых-пятидесятых годов в летнее время источник ежедневно (!) посещали до 800 человек, большинство из которых шло ради целебных свойств воды [8, л. 92].

С другой стороны, в отдельных случаях представления о пользе воды из «святых источников» у верующих и профильных специалистов могли диаметрально расходиться. Однако вера пересиливала доводы науки. Яркий пример – паломничество граждан в село Городище Сталинградской области, где еще с дореволюционных времен имелся почитаемый родник. После войны верующим начали разъяснять, что пить из него воду небезопасно, т. к. рядом зарыто большое количество трупов убитых немецких солдат. Однако аргументы убедили далеко не всех, некоторые верующие не только продолжали пользоваться местной водой, но даже приводили сюда детей для «исцеления». Например, 9 июня 1950 г., на девятую пятницу после Пасхи (традиционный для России день организации крестных ходов и паломничеств) родник посетило более 300 граждан [8, л. 93].

Ж.М. Красулина и О.Ю. Никонова (изучавшие проявления народной религиозности на Урале в хрущевский период) справедливо замечают, что в социально-экономических условиях послевоенного времени существование конфессионально-ориентированной медицины, и в том числе использование воды из «святых источников», было не просто вопросом веры или неверия, а вариантом решения практических проблем для советских граждан. Слабость системы здравоохранения,

ограниченная доступность медицинской помощи (особенно в сельской местности) заставляли искать альтернативные возможности борьбы с болезнями, особенно такими сложными для врачевания, как кожные, психические, заболевания нервной системы и опорно-двигательного аппарата, бесплодие [4, с.104].

Как относились к посещениям «святых водоемов» местные власти? Анализ документов показывает, что единства в этом отношении не наблюдалось: в некоторых случаях советские функционеры пытались противостоять сложившимся традициям (хотя и не слишком активно), в некоторых – «не замечали», а иногда (на низовом уровне) в чем-то даже поддерживали.

Выше было упомянуто два эпизода в Горьковской и Московской областях, когда по распоряжению местных властей почитаемые верующими родники перекрывались. Однако эти действия выглядят скорее попытками продемонстрировать свою сознательность, чем действительно прекратить паломничества: в обоих случаях граждане быстро расчистили дорожки им источники и продолжили их посещение.

Не очень убедительными были и действия властей в случае с паломничествами к источнику «Святые руки» около Новороссийска. После поступления в Москву информации о массовом посещении такового местные власти приняли решение разобрать стоящую около водоема часовню. Других мер, ограничивающих доступ верующих к привлекавшему их месту, предпринято не было. По поводу же ликвидации часовни Г. Карпов скептически замечал: «вряд ли это мероприятие будет способствовать прекращению паломничества» [8, л. 93].

Иногда разные инстанции занимали разные позиции. Например, в июне 1949 г. верующие из с. Сеченово одноименного

района Горьковской области обратились к председателю местного сельсовета с просьбой разрешить приглашение священника и совершение молебствия на одном из местных родников, но в этом им было отказано. Тогда просители обратились в райисполком, где заведующим общим отделом предложил сельсовету просьбу граждан удовлетворить. На основании этого сельсовет выдал верующим справку следующего содержания: «Дана для представления в Богатиловскую церковь в том, что Сеченовский сельсовет не возражает... против выезда священника на молебен 10 июня 1949 г. с условием уплаты налога в сумме 100 руб.». Налог в сумме 100 рублей был внесен, и священник выехал к роднику (несмотря на уже имевшиеся в то время инструкции из Патриархии не посещать такого рода собраний), где на молебне присутствовало около 2 тыс. человек.

Еще один характерный пример противоречивой и в целом довольно пассивной реакции представителей власти на практику почитания «святого источника» имел место в случае с уже упоминавшимся колодцем в Лискинском районе Воронежской области. Когда слухи о «чудесном колодце» начали распространяться по округе, парторганизация местного колхоза «Красный боевик» и Лискинский сельсовет сначала проявили к ним полное равнодушие, а потом даже содействовали открытию колодца. В частности, председатель сельсовета воспользовался служебным положением и распорядился использовать для откачки воды при рытье колодца находившийся в его ведении пожарный насос. Когда же паломничество к этому источнику приобрело большие масштабы (30 тыс. человек за два неполных месяца) и потребовало какой-то реакции со стороны органов власти, почитаемый верующими объект посетил секретарь местного райкома ВКП(б), который, однако, тоже никаких решительных

действий не предпринял. Как впоследствии написал Г. Карпов, функционер «ограничился тем, что старался убедить верующих, что никаких видений в колодце нет» [8, л. 94].

Конечно, выдача официальных разрешений на организацию массовых шествий или молебнов, а также техническая помощь при благоустройстве почитаемых верующими объектов – нечастое явление. Судя по документам, в большинстве случаев местные власти старались не обращать на паломничества граждан особого внимания, попросту игнорируя соответствующие факты. По сути, это подтвердил в неоднократно упоминавшейся записке 1950 г. и председатель СД РПЦ Г. Карпов, указавший на распространенность случаев равнодушного отношения членов партии и руководителей исполнительных органов к «религиозной пропаганде» в разных районах страны [8, л. 94].

В общем, практика поведения советских функционеров низшего звена довольно серьезно расходилась с заявлениями советской пропаганды того же периода, утверждавшей, что сознательные граждане активно борются с «религиозными пережитками» в повседневной жизни и близки к полной победе над ними [15]. Спокойное отношение к почитанию гражданами «святых источников» не было тут, конечно, единственным примером. В тот же позднесталинский период нередко были случаи, когда председатели колхозов давали разрешения на организацию молебнов на полях или мирились с продолжительными гуляниями по случаю престольных праздников [16, с. 1024–1025].

Почему же представители местной власти в большинстве своем не стремились к реальной борьбе со столь заметными проявлениями «народной религиозности», формально вступая в противоречие с линией партии? Тут довольно убедительным выглядит соображение

У. Хун, предположившей, что массовые паломничества выполняли роль «клапана, выпускающего пар» [6, с. 244]. Действительно, лишая людей радости и надежд, сопряженных с походами к ритуально значимым местам, было неразумно, особенно в условиях суровой послевоенной действительности. Многолюдные паломничества, участницами которых были преимущественно женщины, конечно, не представляли какой-либо опасности для власти. При этом нельзя сбрасывать со счетов и то обстоятельство, что сами советские управленцы низшего звена отнюдь не всегда оказывались чужды тому, что именовалось «пережитками». В 1954 г. благочинный церковью Рыльского района Курской области в беседе с местным уполномоченным, объясняя причины стойкости религиозных традиций в сельской местности, сказал по этому поводу характерную фразу: «Люди по традиции веруют... верующих много и в церковь ходят много. Но если в церковь ходят и не все, то обряды-то исполняют все, в том числе и коммунисты» [17, л. 147].

У советских идеологов, напротив, внецерковные православные практики (по факту неконтролируемые) вызывали даже большее беспокойство, чем церковные. После того как информация, подобная той, что была представлена в записке Г. Карпова 1950 г., стала регулярно поступать в ЦК КПСС, наметилась тенденция к государственному противодействию почитанию «святых источников». Это противодействие в более-менее организованном виде станет реальностью уже в хрущевский период. Собственно говоря, обе хрущевские антирелигиозные кампании – короткая «стодневная» 1954 г. и «длинная» 1958–1964 гг. – начинались с констатации того факта, что в советском селе сохраняется очень много «пережитков» и «суеверий». Так, постановление ЦК КПСС «О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и ме-

рах ее улучшения» 1954 г. изображало соответствующие явления как большую экономическую и культурную проблему села [18, с. 15]. А искрой, из которой разгорелось пламя следующей масштабной кампании, стало письмо корреспондента «Литературной газеты» В. Шапошниковой М.А. Сулову, написанное в 1958 г., после ее командировки в сельскую местность. В письме говорилось о мощи архаических религиозных представлений, предрассудков и суеверий, которые явно недооцениваются городской интеллигенцией и партаппаратом и, по сути, являются вызовом советской культуре [19, с. 176].

Выводы

Итак, массовые собрания верующих граждан возле водных источников с ритуальными целями не были большой редкостью в позднесталинский период. У отдельных водоемов – озер, ручьев, колодцев, почитавшихся в качестве святых, в праздничные дни можно было увидеть тысячи граждан, преимущественно женщин, приходивших с молитвами и просьбами о решении своих житейских проблем. В этом смысле эпизод с «саратовской купелью», с рассказа о котором началась данная статья, не был уникальным. Исключительность ему придало другое обстоятельство – массовое крещенское купание саратовцев происходило в черте большого советского города, на глазах у множества отошедших от религии сограждан. «Обычные» же посещения верующими «святых» водоемов имели место в сельской местности, где они, с точки зрения представителей советской власти, не выглядели столь вызывающими.

Походы верующих к местным святыням по факту подразумевали определенную «языческую» составляющую, что придавало им пограничный характер между православием и дохристианской

религиозной культурой. Последняя актуализировалась в том числе и в силу отсутствия на таких действиях (в подавляющем большинстве случаев) зарегистрированных священнослужителей. Религиозные мотивы граждан, приходивших к почитаемым водоемам, тесно переплетались с социальными и индивидуально-прагматическими. Местные паломничества давали возможность на некоторое время оторваться от однообразной, тяжелой жизни, пообщаться с единомышленниками, ощутить нервную разрядку. Большую роль в стремлении граждан побывать у того или иного «святого источника» играли мысли о сохранении здоровья: недостаточный уровень развития народной медицины в послевоенном СССР нередко заставлял людей возлагать

свои надежды не столько на врачей, сколько на высшие силы.

Рассмотренные документы не дают возможности говорить о каком-либо систематическом противодействии властей массовым паломничествам к водным источникам в середине XX в. Высшие функционеры позднесталинского времени, вероятно, не видевшие в этих практиках большой угрозы, ограничивались тем, что уменьшали притягательную силу паломничеств за счет запрета на участие в них духовенства. Что касается управленцев низших звеньев, то они чаще всего относились к посещению согражданами «святых источников» с пониманием или сочувствием, без необходимости препятствуя им.

Список литературы

1. ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. 6991. Оп. 2. Д. 73.
2. Макарова Д.Ю. Ликвидация крестного хода в Курской области в 1950-х гг. // Проблемы и перспективы современной науки: материалы II Международной научно-практической конференции. Ставрополь: Логос, 2014. С. 85–88.
3. Мурашова Ю.А. «Железные» аргументы: идейная борьба советской власти с православными паломничествами в Курскую коренную пустынь в хрущевский период // Известия Смоленского государственного университета. 2017. № 2 (38). С. 233–241.
4. Красулина Ж.М., Никонова О.Ю. Святые источники и народная религиозность православного населения Урала в 1954–1964 годах // Вестник Пермского университета. История. 2021. № 4(55). С. 99–109.
5. Чистяков П.Г. Почитание местных святынь в советское время: паломничество к источнику в Курской Коренной пустыни в 1940-1950-е годы // Религиоведение. 2006. № 1. С. 38–49.
6. Хун У. С иконами и песнопениями, или епископ, сбежавший от своих прихожан. Массовые паломничества в России эпохи Сталина и Хрущева // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2012. № 3-4. С. 232–256.
7. Мурашова Ю.А. История паломничества в Курскую Коренную пустынь середины XX века в документах местных уполномоченных Совета по делам РПЦ // Провинциальные научные записки. 2017. № 1 (5). С. 46–51.
8. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 606.
9. ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 1775.
10. ГАКО (Государственный архив Курской области). Ф. Р-5027. Оп. 5. Д. 10.
11. ГАКО. Ф. Р-5025. Оп. 5. Д. 12

12. Апанасенок А.В., Апанасенок Е.С. Традиции в эпоху модернизации: эволюция конфессиональных практик курского села в XX в. // Известия Юго-Западного государственного университета. 2012. № 2-2. С. 217–224.
13. РГАНИ (Российский государственный архив новейшей истории). Ф. 5. Оп. 16. Д. 668.
14. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 1131.
15. Худяков С.Н. О преодолении религиозных предрассудков. Кишинев: Гос. изд-во Молдавии, 1951. 32 с.
16. Апанасенок А.В. Верующие колхозники и «попы-коммунисты»: к вопросу о существовании православной и «социалистической» культур в жизни советского села позднесталинского и хрущевского периодов // Новейшая история России. 2022. Т.12, № 4. С.1018–1034.
17. ГАКО. Ф. Р-5027. Оп. 5. Д. 13.
18. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Т. 6. 1933–1937. М.: Политиздат, 1985. 432 с.
19. Смолкин В. Свято место пусто не бывает: история советского атеизма. М.: Новое литературное обозрение, 2021. 552 с.

References

1. GARF (The State Archive of the Russian Federation). F. 6991. Op. 2. D. 73. (In Russ.)
2. Makarova D.Yu. The liquidation of the procession in the Kursk region in the 1950s. In: *Problemy i perspektivy sovremennoi nauki: materialy II Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii = Problems and prospects of modern science: proceedings of the II International Scientific and Practical Conference*. Stavropol': Logos; 2014. S. 85-88. (In Russ.)
3. Murashova Yu.A. "Ironclad" arguments: the ideological struggle of the Soviet government against orthodox pilgrimages to the Kursk Root Desert during the Khrushchev period. *Izvestiya Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta = Proceedings of the Smolensk State University*. 2017;(2):233-241. (In Russ.)
4. Krasulina Zh.M., Nikonova O.Yu. Holy springs and folk religiosity of the orthodox population of the Urals in 1954-1964. *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya = Bulletin of Perm University. History*. 2021;(4):99-109. (In Russ.)
5. Chistyakov P.G. Veneration of local shrines in Soviet times: pilgrimage to a spring in the Kursk Root Desert in the 1940s and 1950s. *Religiovedenie = Religious studies*. 2006;(1):38-49. (In Russ.)
6. Khun U. With icons and hymns, or a bishop who ran away from his parishioners. Mass pilgrimages in Russia during the Stalin and Khrushchev eras. *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom = State, religion, and the Church in Russia and abroad*. 2012;(3-4):232–256. (In Russ.)
7. Murashova Yu.A. The history of the pilgrimage to the Kursk Root Deserts in the middle of the 20th century in the documents of the local commissioners of the Council for the Affairs of the Russian orthodox church. *Provintsial'nye nauchnye zapiski = Provincial scientific notes*. 2017;(1):46-51. (In Russ.)
8. GARF. F. 6991. Op. 1. D. 606. (In Russ.)
9. GARF. F. R-6991. Op. 1. D. 1775. (In Russ.)
10. GAKO (The State Archive of the Kursk region). F. R-5027. Op. 5. D. 10. (In Russ.)
11. GAKO. F. R-5025. Op. 5. D. 12. (In Russ.)

12. Apanasenok A.V., Apanasenok E.S. Traditsii v epokhu modernizatsii: evolyutsiya konfessional'nykh praktik kurskogo sela v XX v. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2012;(2-2):217-224. (In Russ.)
13. RGANI (The Russian State Archive of Modern History). F. 5. Op. 16. D. 668. (In Russ.)
14. GARF. F. 6991. Op. 2. D. 1131. (In Russ.)
15. Khudyakov S.N. About overcoming religious prejudice. Kishinev: Gos. izd-vo Moldavii; 1951. 32 p. (In Russ.)
16. Apanasenok A.V. Believing collective farmers and "Communist priests": on the question of the coexistence of Orthodox and "Socialist" cultures in the life of the Soviet countryside of the Late Stalinist and Khrushchev periods. *Noveishaya istoriya Rossii = The modern history of Russia*. 2022;12(4):1018-1034. (In Russ.)
17. GAKO. F. R-5027. Op. 5. D. 13. (In Russ.)
18. The Communist Party of the Soviet Union in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee (1898-1986). Vol. 6. 1933-1937. Moscow: Politizdat; 1985. 432 p. (In Russ.)
19. Smolkin V. A Holy Place is never empty: the History of Soviet Atheism. Moscow: Nove literaturnoe obozrenie; 2021. 552 p. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the Author

Апанасенок Александр Вячеславович, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук, г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: apanasenok@yandex.ru,
ORCID: 0000-0003-4650-3730

Alexander V. Apanasenok, Doctor of Sciences (Historical), Professor, Leading Researcher, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation,
e-mail: apanasenok@yandex.ru,
ORCID: 0000-0003-4650-3730